

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ЖЕНЩИН¹

Балабанова Евгения Сергеевна

Нижегородский государственный университет

E-mail: balhome@unn.ac.ru

Проблема экономической зависимости женщины, неразрывно связанная с ее зависимостью социальной, в последние два столетия является ареной столкновения феминистской и «традиционалистской» точек зрения. Стереотипное восприятие женщины как беспомощной, профессионально не мотивированной «иждивенки» – основа ее дискриминации и в сфере семейно-брачных отношений, и на рынке труда. Международная практика движения за права женщин показала, что они тесно связаны с доступом к основным экономическим и человеческим ресурсам и возможностью распоряжаться ими, т.е. с социально-экономической независимостью.

История развития понятия «зависимость». Само понятие зависимости по-разному использовалось в разные исторические эпохи. В доиндустриальном обществе самым распространенным значением этого слова было «подчинение» [1: 124]. В иерархически организованном феодальном обществе зависимость от сюзерена считалась неким заданным условием, подобным зависимости от бога, поэтому понятие зависимости не связывалось с индивидуально-личностными качествами индивида. Экономическим значением слова «независимость» была «свобода от труда» – владение собственностью, дающей возможность жить на ренту, не работая. «Зависимость» же подразумевала более низкое социальное положение, необходимость добывать средства к существованию, работая на кого-либо. Как нетрудно заметить, это было состоянием большинства населения. Нормы подчинения женщины мужчине в доиндустриальном обществе опирались на *традиционное право и религиозные установления*.

Радикальные изменения происходят на рубеже XVIII–XIX вв., когда на арену выходит понятие «независимость индивида». Идеологический контекст для него был подготовлен самой историей развития отношения западного общества к неудачникам экономической деятельности. Еще с XIV в. в Англии издавались законы, ограничивающие нищим свободу передвижения; позднее законодательно определялись группы, «достойные» и «не достойные» помощи окружающих. Этому же руслу следовало и влияние протестантизма, апеллирующего к индивидуальной ответственности человека за свое благосостояние. Зависимость из нормы превращается в девиацию, становится «деструктивной» и связывается с недостатком силы воли, ленью, инфантилизмом.

В соответствии с новым пониманием «зависимости» переопределяется и роль наемного труда. С XIX столетия зависимость связывается с теми, кто *исключен из наемного труда*. Такими оказались: 1) «паупер», который живет не на зарплату, а на общественное вспомоществование; 2) «житель колонии», «раб», «дикарь»; 3) «домохозяйка» [1: 128–130]. В индустриальную эпоху домохозяйство перестает быть основной экономической единицей, и женщины, игравшие ранее (в аграрной экономике) важную роль в семейном производстве, либо рекрутировались в низкостатусные отрасли, либо получили статус домохозяек. Именно тогда тезис о «натуральном» разделении труда между мужчиной и женщиной получает *рациональное обоснование*: «по природе своей» жена должна находиться в подчинении у

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда. Грант № 096 социология/грант-98.

мужа, потому что она *экономически зависима* от него [2]. Таким образом, к социоправовой и политической зависимости женщины добавляется экономическая.

Дальнейшее развитие событий показало, что зависимость первого типа – «пауперистская» – также все больше феминизируется. Это видно на примере американской системы социального обеспечения, все программы которой разбиваются на две большие группы – «социальное страхование» [social insurance], выплаты по которым зарабатываются их получателями, и «общественное вспомоществование» [public assistance], финансируемое за счет налоговых поступлений и оказывающих помощь малообеспеченным. Значительное количество получателей пособий второго типа составляют «материнские семьи» – незамужние женщины с детьми [3].

С 1950-х гг. появляются психологизированные объяснения женской зависимости. Психиатры и социальные работники диагностируют ее как форму «незрелости», распространенную среди женщин, особенно одиноких матерей. Она характеризуется безответственностью, эмоциональной нестабильностью, реакциями, характерными для маленьких детей. В 1980 г. Американская Психиатрическая Ассоциация кодифицировала «синдром зависимой личности» – неспособность принимать каждодневные решения без внешней поддержки. В исследованиях упоминалось, что этот синдром, прежде всего, свойствен женщинам. Таким образом, «зависимость» официально признается психопатологией [1: 136–137].

Зависимость в отношениях социального обмена. Поскольку мы рассматриваем экономическую зависимость женщины в контексте властных отношений, складывающихся в обществе и семье, достаточно большим эвристическим потенциалом обладает концепция социального обмена, которая позволяет исследователю оперировать понятием обмена деятельностью при объяснении формирования отношений господства и подчинения. С точки зрения этой теории, человеческая деятельность осуществляется по принципу реципрокности. Он легко реализуем, если субъекты взаимодействия обладают равными ресурсами и одинаково заинтересованы во взаимных услугах. Однако достаточно часто взаимодействие происходит между обладателями неравных ресурсов, что предполагает «односторонние обмены» [4: 141]. Эквивалентность обмена деятельностью в этом случае восстанавливается за счет властных отношений: человек, имеющий в своем распоряжении ресурсы по удовлетворению потребностей других людей, без которых они не могут обойтись и не могут получить их из альтернативного источника, может приобрести власть над ними [5]. Так, в концепции П. Блау значительное место занимает понятие «аккумуляции капитала» – модель, при которой одна группа обеспечивает другой лежащие услуги в обмен на ее зависимость. Такой односторонний обмен он называет «инвестированием, которое создает обязательства другой стороны». Почтительность и услужливость становятся формами платежа [4: 28, 98, 315].

Анализ эмпирического материала, приведенного ниже, позволяет утверждать, что данная концепция весьма неплохо «работает» в объяснении властных отношений внутри семьи. Об актуальности этой проблемы, на наш взгляд, свидетельствует исследование домохозяйств в Великобритании, показавшее, что «чистая» модель домохозяйства как эгалитарной единицы характерна лишь для 20% обследованных, где есть равноправное разделение ресурсов [6]. Неравные ресурсы супругов, связанные с оплачиваемой занятостью и владением собственностью, достаточно сильно определяют наличие или отсутствие у них прав в рамках семьи. Основной методологической сложностью остаются критерии «эквивалентности» обмена деятельностью в рамках домохозяйства.

Домашнее хозяйство: эквивалентный обмен или властные отношения? Традиционное разделение мужских и женских ролей закрепляло за мужчиной функцию кормильца, за женщиной – воспроизводства и обслуживания мужчин в рамках семьи. В отличие от разделения труда в общественном производстве, где происходит взаимообмен посредством денег, разделение труда в семье носит нерыночный характер, оно не подпадает под

объяснения классического экономического анализа. Домашняя экономика в большой степени регулируется социальными нормами, взаимными договоренностями, эмоциональной привязанностью, которые не подлежат денежному исчислению, а следовательно, воспринимаются экономистами как «периферия», «архаика» [7]. Тема домашнего хозяйства серьезно разработана в феминистской традиции. Работы Э. Оукли, Б. Фридан, К. Миллет [8] позволили «приоткрыть» женщину-домохозяйку для социологического и экономического анализа, сформировали традицию рассмотрения домашней работы женщин как легитимного вклада в материальное благополучие семьи, обратили внимание исследователей на личность «неработающей» женщины.

Однако нам представляется, что феминистская социальная теория имеет серьезное методологическое ограничение. Вышедшая из традиции политической борьбы, она нацелена на критику патриархата как «системы социальных структур и практик, в которых принято мужское доминирование, подавление и эксплуатация женщин» [9: 22]. Данный подход исходит из аксиомы подавления женщин и необходимости мобилизации действий в целях достижения их равноправия и ломки патриархатных стереотипов. В частности, экономическая теория феминизма считает существующее распределение экономических обязанностей в семье несправедливым и подлежащим устранению [10: 77]. Работа по дому рассматривается как символ неравенства в деньгах, статусе и власти. На наш взгляд, сам по себе такой подход содержит элемент социального конструирования проблемы, которой в действительности может не существовать. Поэтому, беря на вооружение идеи феминистской социальной теории, мы попытаемся дать им критическую оценку, опираясь на эмпирические данные.

Патриархальный тип семьи характеризуется в экономическом плане неэквивалентным обменом деятельностью между мужчиной и женщиной, который, с одной стороны, *создает* статусные различия между ними, с другой – является *следствием* семейного неравенства. Домашняя работа женщин в основном бесплатна, несмотря на то, что питание, уход и воспроизводство являются абсолютной человеческой необходимостью. К. Дельфи определила особый – «патриархальный» – способ производства: свою рабочую силу женщины отдают взамен на то, что их *содержат* [11]. Тот факт, что женщина зависит от мужчины в жизнеобеспечении, обуславливает, во-первых, возлагаемую на нее обязанность бесплатного обслуживания мужчины, во-вторых, ограничение ее прав в рамках семьи. Крайнее выражение зависимого положения женщины – факты семейного насилия как способ контроля зависимых членов семьи (детей, женщин и стариков).

Социетальный уровень: зависимость женщины от государства. На социетальном уровне экономическая зависимость женщины рассматривается в терминах «зависимых групп», живущих «на иждивении» налогоплательщиков. В российском трудовом и семейном законодательстве работающей женщине придается *бенефициарный статус*, связанный с исполнением ее материнских функций (отпуска по беременности и родам, по уходу за больными членами семьи, запреты нанимать женщин на работу с тяжелыми и вредными условиями труда, ограничения при увольнении женщин с маленькими детьми и детьми-инвалидами). Подобные практики на уровне социальной политики государства формируют еще одну сферу зависимости женщины – от государства-патрона, который оказывает либо прямую материальную помощь в виде пособий и доступа к льготным или бесплатным услугам, либо косвенную – обеспечение женщине возможности совмещать профессиональную и семейную деятельность. О том, насколько эта зависимость велика, свидетельствует неизменно высокая доля женщин среди безработных и малообеспеченных слоев населения в результате замены государственных механизмов регулирования рынка труда рыночными. Рыночные реформы последнего десятилетия наглядно показали тесную взаимосвязь положения человека в системе льгот и пособий и его дискриминации.

В западных странах «государство всеобщего благоденствия» либо активно способствует интеграции женщин в публичную сферу (скандинавские страны), либо затрудняет ее (США,

Великобритания) [12]. В первом случае экономическим механизмом интеграции становится развитие сектора социальных услуг и гибких форм занятости. Это удается осуществлять не в последнюю очередь благодаря тому, что скандинавские страны имеют самый высокий в мире процент женщин в парламенте и правительстве [13; 14]. Государства второго типа помогают сохранить зависимость женщины, осуществляя принцип *«забота о семье есть забота о женщине»*. Так, принцип «семейной зарплаты» отвечает представлениям об экономической роли мужчины, но... является составной частью «исключающей» концепции гражданства для женщин, смещая их зависимость из публичной сферы в частную. Под «исключающей» концепцией гражданства понимается ситуация, когда права становятся даром, и индивиды прекращают быть акторами на социальной сцене, превращаясь в пассивных потребителей деятельности тех, кто более могуществен [15: 454]. Таким образом, коренное отличие двух упомянутых государственных идеологий заключается в том, что в первом случае женщина рассматривается как «гражданин», которому государство помогает снять барьеры на пути к самообеспечению, во втором – как «клиент», которого государство поддерживает материально.

Все вышесказанное позволяет рассматривать социально-экономическую зависимость женщины в двух измерениях – от мужчины на уровне семьи и от государства в публичной сфере. Зависимый статус женщины определяется, прежде всего, отсутствием или недостатком у нее ресурсов для самообеспечения – оплачиваемой занятости, собственности и денежного капитала. Не менее важны и ее установки, ценности и структура потребностей (самодетельные либо зависимые установки, преобладание потребительских ценностей либо связанных с возможностями самореализации).

Субъективную сторону социально-экономической зависимости позволяют выявить массовые анкетные опросы населения. Результаты исследований автора² свидетельствуют о наличии водораздела между мужчинами и женщинами в плане ориентаций на самостоятельность либо зависимость. Женские предпочтения форм занятости характеризуются привлекательностью вариантов «легкой работы и небольшого гарантированного заработка» и «жить не работая», в то время как мужчины предпочитают «много работать и хорошо получать, пусть и без гарантированного заработка». Женский локус контроля смещен в сторону экстернального. Респонденты-женщины отмечают свою обделенность такими ресурсами, как высокий профессионализм, работоспособность, наличие полезных связей. Самооценка женской адаптированности в среднем ниже мужской. Все это позволяет утверждать о наличии в сознании женщин сильных зависимых установок, созданных, с одной стороны, объективными условиями их жизнедеятельности, с другой – социализацией в культуре, которая признает слабость неперенным атрибутом женственности. Зависимые установки присущи также и мужчинам. Однако если зависимость мужчин ориентирована, прежде всего, на государство и работодателя, то список возможных покровителей женщины значительно шире и включает в себя субъектов на уровне ее социальных сетей.

Последствия женской социально-экономической зависимости двойки. В ситуации отсутствия субъектов поддержки женщина, социализированная как несамостоятельная и обладающая ограниченными социальными капиталами, попадает в число дезадаптированных, что наглядно показали результаты кластерного анализа в исследовании 1997 г., когда группу «обездоленных» почти целиком составили женщины из неполных семей. С другой стороны, в том же исследовании ярко выделился и тип «зависимой женской адаптации», в основном представленный домохозяйками. В иерархии их ценностей заметно преобладание

² Используются данные исследований, проведенных при поддержке Московского общественного научного фонда: 1) «Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания» (1997 г.; опрошено 567 чел. по целевой выборке в Нижнем Новгороде); 2) «Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации» (1998 г.; опрошено 365 чел. по целевой выборке в Нижнем Новгороде).

потребительских ценностей, и, напротив, ценности свободы и самореализации выражены слабо. Их семьи характеризуются средне-высоким достатком. Важной в данном случае оказалась характеристика семейного положения: в группе домохозяек наибольшая доля состоящих в браке и ничтожно мало – разведенных. Таким образом, *полная семья, в которой муж успешно справляется с ролью кормильца, – необходимое условие зависимой женской адаптации*. И если в каждом из двух исследований четко выделялся кластер независимой стратегии, абсолютное большинство в котором составляли мужчины, то два женских кластера – «обездоленные» и «домохозяйки» – характеризовались преобладанием в них респондентов с ярко выраженными зависимыми установками, и отличие между ними заключалось в *наличии или отсутствии субъектов поддержки*.

Целью исследования 1999 г. было выявление путем углубленных интервью с женщинами содержания, восприятия и оценки ими своего зависимого статуса, который являлся главным критерием отбора респондентов. В феврале-марте 1999 г. автором было проведено 28 интервью в четырех группах женщин: неработающие замужние женщины; «работающие матери», чей доход в семейном бюджете составлял 10% и менее; спонсируемые женщины; одинокие матери, находящиеся на содержании родственников и на государственных пособиях.

Субъекты экономической поддержки. Как мы упоминали выше в данной работе и в предыдущей публикации [16], принципиальное условие «зависимой адаптации» – наличие сильного опекуна. Здесь возникает комплекс вопросов: в чем проявляется покровительство; какова мотивация берущей и дающей сторон; чем «платит» берущая сторона за свое обеспечение? Субъекты экономической поддержки – мужья, партнеры, родственники и государство – стали основанием для выделения четырех групп наших респондентов.

Муж. Традиционный тип женской зависимости представлен замужними женщинами. Не было отмечено принципиальной разницы между зависимым статусом домохозяек, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, и работающих женщин, чей вклад в семейный бюджет незначителен. Мужская мотивация содержания «иждивенцев» традиционна. Мужчина чувствует самоуважение как кормилец семьи, он удовлетворен ситуацией, когда неработающую жену ничего не отвлекает от создания комфортной бытовой обстановки. *«Ему нравится, что я дома сижу. К его приходу я накрашусь, отдохнувшая, счастливая, ужин готов, только спать ложись»* (домохозяйка, 28 лет). Статус единственного кормильца семьи воспринимается как атрибут мужественности. *«Мой муж говорит: если жена с ребенком работает, то это не мужик»* (домохозяйка, 27 лет).

Хотя экономическая зависимость от мужа считается «естественной» для замужней женщины и не вызывает, в отличие от зависимости от прочих субъектов поддержки, негативного отношения окружающих, она содержит в себе целый комплекс проблем, которые мы рассмотрим ниже.

Мужчина-партнер. Традиционно негативное отношение к «свободной любви в обмен на материальную поддержку» объяснялось, прежде всего, вызовом, который она бросала семье, а также представлением о «бесчестии» женщины-содержанки, когда грань между ее положением и проституцией весьма условна. Упоминания об этой категории женщин трудно найти в литературе советского периода. Однако последнее десятилетие дает нам немало примеров возрождения института спонсирования, легитимирующего образ «подруги супермена» (к примеру, гендерный контракт «спонсируемой женщины» выделяется в работах А. Темкиной и А. Роткирх [17]).

Как показали данные интервью, мужская мотивация спонсирования может быть разделена на четыре категории. Во-первых, это осознание себя как «сильного», способного безбедно содержать женщину, которая рассматривается им как форма собственности. Во-вторых, в большинстве интервью преобладала мотивация квазисемейных отношений: по каким-либо причинам не удавалось создать «настоящую» семью (не оформлен развод одного из

партнеров, не решены вопросы с детьми, с пропиской, национальные традиции не позволяют оформить брак). В-третьих, содержание женщины – матери своего внебрачного ребенка. В-четвертых, мотивация «свободы», отсутствия формальных обязательств, устраненности бытовых проблем из взаимоотношений партнеров. Уровень же свободы мужчины и женщины в этом типе отношений, как мы постараемся показать, различен.

В беседах возникал вопрос об истории развития отношений содержанки и спонсора. Большинство женщин отмечали, что им пришлось перейти определенный психологический барьер, прежде чем начать получать от мужчины материальную поддержку. *«Сначала началось с этого: когда он приносил продукты, мне было дико. Я не знала, как себя вести. Потом это стало в порядке вещей. Потом он стал приходить ко мне, как домой. Потом он стал нас с дочерью одевать полностью. Потом стал квартиру для нас снимать. Потом эту квартиру для нас купил»* (спонсируемая, 35 лет).

Родители, близкие родственники. Родственная поддержка наиболее значима для одиноких матерей. Здесь преобладает альтруистическая мотивация родительской любви: дети есть дети в любом возрасте. Материальная помощь выступает как выражение семейной сплоченности, повод для еженедельных встреч. Она, как никакая другая, носит инициативный характер. *«Каждому родителю хочется, чтобы его ребенок был лучше всех. И прожил бы жизнь лучше, чем его родители. Поэтому они нам помогают»* (одинокая мать, 38 лет). Как и в некоторых случаях спонсируемых женщин, объектом заботы иногда становятся не сами женщины, а их дети. Можно сказать, что, осуждая неспособность дочери прокормить семью, помощь ей тем не менее оказывают – ради внуков. *«Мы бы родителям своим сами должны помогать, а не получается, так надо хотя бы не обременять. А помощь внучке – другое дело»* (одинокая мать, 25 лет).

Материальная помощь неотъемлема от помощи услугами и моральной поддержки, и сами женщины обычно затруднялись хотя бы приблизительно оценить ее размеры: обычно они не подсчитываются ни той, ни другой стороной. Родственная помощь является важнейшей «страховочной сетью» [safety net] в нестабильных российских условиях. В этом случае люди рассматривают помощь в долговременном плане. *«Может быть, в свое время я им в чем-то помогла. А в трудные времена они меня сейчас поддерживают. Какая-то взаимовыручка. Что-то где-то я им. Что-то где-то они мне»* (одинокая мать, 38 лет). Еще одна важная функция родительской помощи: она выступает ресурсом женской независимости от мужчины! Здесь, как и в случае с государственной поддержкой, мы можем выделить иерархию предпочтений женщины, от кого зависеть. Так, в большом количестве случаев экономическая зависимость от мужчины сильнее ограничивала свободу женщины, чем зависимость от родителей и тем более – от государства.

Государство. Категория женщин, пользующихся государственной помощью, была представлена одинокими матерями. Наши интервью показали, что в мотивации рождения ребенка вне брака рациональный компонент был представлен *расчетом на помощь извне* – со стороны государства, предприятия и родственников. «Обман» со стороны мужчин, их обещания жениться также подталкивали женщин к этому решению. У одиноких мам ярко выражен «синдром Золушки», ожидания принца, который *«полюбит меня и моих детей»*.

Как и в случае с поддержкой родственников, женщины, признавая факт получения помощи со стороны государства и в ряде случаев – ее важность и необходимость, не ощущали каких-либо обязательств со своей стороны и тем более – своего неравноправного, ущемленного положения в связи с получением помощи. Основное объяснение этому – сохранившаяся практика безадресного предоставления пособий и льгот, носящих общесоциальный характер и имеющих критериями их предоставления сам факт наличия детей при отсутствии мужа. С другой стороны, даже адресный характер предоставления пособий со стороны государства ставит женщину в меньшую зависимость от субъекта поддержки, чем в случае получения прямой помощи от партнера. Результаты многих зарубежных исследований позволяют

говорить о том, что многие женщины предпочитают зависеть от государства, а не от мужчины [9: 40]. Причина этого в том, что государство как субъект поддержки деперсонифицировано, а право на поддержку воспринимается как составная часть своих социально-экономических и гражданских прав.

Факторы социально-экономической зависимости

Всех женщин – участниц настоящего опроса объединяло их объективно зависимое экономическое положение. Однако далеко не во всех случаях *экономическая* зависимость обуславливала *социальную*, то есть ограничивала права и свободу женщин, их распоряжение семейными ресурсами и участие в принятии семейных решений.

Выполнение материнских функций. Перерыв в трудовой карьере не только негативно отражается на дальнейшем профессиональном пути и уровне квалификации женщин, но и становится периодом полной зависимости женщины от внешних по отношению к ней источников жизнеобеспечения. Период, когда она ухаживает за маленьким ребенком – пик этой зависимости. Женщина несвободна, прежде всего, по объективным причинам: все ее ресурсы (здоровье, время) замкнуты на ребенка. Не случайно в традиции радикального феминизма [18] деторождение рассматривается как главная причина неравноправного положения женщины в обществе. При существующем порядке вещей женщина менее мобильна. *«Может, он себя так свободно чувствует, потому что у меня ребенок на руках, я его ни с кем не оставлю, никуда не денусь. Когда я работала, когда не было ребенка, он у меня на работе день и ночь проводил. Как я забеременела, как только он понял, что я не свободна, не одна, он стал ко мне более прохладно относиться»* (спонсируемая, 29 лет).

Потребности и предпочтительная сфера самореализации женщин. Данные интервью позволяют говорить о взаимосвязи зависимости и акцентуированных потребностей женщины. Зависимость не ощущается, если они ограничиваются нижними уровнями иерархии: в этом случае важен максимальный уровень потребления при минимуме собственных усилий. Женщинам с подобной мотивацией важно, что нет необходимости жить в напряжении: *«Как обычный день проходит? Утром еще маленько поваляюсь... Позавтракаю с мамой, приготовим обед, посмотрим все сериалы...»* (домохозяйка, 28 лет). Еще одна причина комфортности зависимого состояния – интериоризация патриархальной нормы, что семья – это неизбежное (и желательное) ограничение свободы женщины. *«В любой женщине живет раба, и, может быть, это нормально, что женщина зависит от мужчины. Но важно, чтобы эта зависимость была добровольной, осознанной, не по принуждению»* (работающая мать, 38 лет). Зависимость в таких случаях неотрефлексирована, и дискомфорт от зависимого статуса направлен либо в сторону субъекта поддержки (хотелось бы иметь нормальную семью, а не кормиться у проходящего мужчины), либо в сторону уровня потребления (*«муж мало зарабатывает, а вот был бы богатый любовник...»*).

Разделение труда по признаку пола, основанное на патриархальной культуре, предоставляет мужчине широкий выбор профессиональных занятий, в то время как роль женщины сводится к одной – репродукции [19], что сегодня многими воспринимается как несправедливость и ограничение возможности выбора жизненных сценариев. Обратной стороной этой дихотомии является то, что в современном обществе женщина, в отличие от мужчины, вольна (в большей или меньшей степени) *выбирать* сферу самореализации.

Зависимость как личная несвобода, нарушение прав, внешнее принуждение не наблюдалась в случае, если приоритетной сферой самореализации женщины была приватная. У женщин, идентифицирующих себя, прежде всего, со своей семьей, была слабо артикулирована ценность личной свободы, независимости, карьеры, и в этом случае обмен деятельностью (материальное обеспечение со стороны мужа – обслуживание со стороны жены)

воспринимался как *эквивалентный обмен*. В том случае, когда женщина предпочитает самореализацию в семейной деятельности, она не нуждается в большом объеме свободы от мужа, который ее обеспечивает (на бытовом языке это означает «не кусать руку, которая тебя кормит»). В этом случае зависимость – самая комфортная из всех возможных ситуаций: *«Он такая гора, за которой я прячусь. Я даже не знаю, сколько у нас денег. “Это не твои проблемы”, – он всегда говорит»* (домохозяйка, 27 лет). Наличие помощи в ряде случаев обуславливает и *свободу действий* женщины: она может сидеть дома или работать на низкооплачиваемой, но интересной работе.

В андроцентристском обществе «главной» сферой самореализации индивида является публичная, т.е. оплачиваемая занятость, профессиональная карьера, достижение власти и престижа в обществе. Традиционно этот способ самореализации считался «мужским». Интервью показали, что экономически зависимые женщины, которые ориентированы на самореализацию во внесемейной сфере, оказываются в состоянии сильной фрустрации и чувствуют принуждение, ограничение своей личной свободы, несправедливость того факта, что им в одиночку приходится заниматься домашним хозяйством. От зависимости сильнее всего страдают женщины с большими социальными запросами, которые отделяют себя от семьи как самостоятельную единицу. *«Был период, у меня не то чтобы совсем депрессия, но очень давило это, что я неполноценная, не могу себя прокормить. Это ощущение какой-то содержанки... Я могу зависеть от мужчины только эмоционально, если я влюблена в него по уши...»* (работающая мать, 38 лет). Последний фрагмент показывает, насколько четко сами женщины разделяют эмоциональную привязанность и экономическую зависимость.

Взаимоотношения в семье. Большую роль в наличии женской социальной зависимости в семье играли взаимоотношения супругов, их готовность идти навстречу друг другу в случае возникновения семейных конфликтов, наличие или отсутствие у мужчины желания демонстрировать свою власть над женщиной. Подавление женщин внутри семьи как следствие ее особого «нерабочего» статуса – не аксиома. Семейные взаимоотношения, построенные на взаимном уважении и доверии, являются фактором неограничения свободы экономически зависимой женщины. В этом случае фраза *«никогда без разрешения мужа денег не беру»* интерпретируется не как ущемление прав, но уважение к труду мужа, деньги приносящего. Этим же объясняется спокойное отношение некоторых жен к своей неосведомленности насчет заработков мужей. Трудности возникали при ответах на вопрос о наличии у женщин карманных денег: *«Как карманные? На что мне эти карманные деньги?»* (работающая мать, 42 года).

Экономическая зависимость сильнее всего бьет по женщинам в семьях, где семейные роли носят сегрегированный характер. Напротив, в случае «совместного» типа супружеских ролей реже возникают проблемы распределения обязанностей. В целом же мнения о сложившемся разделении труда в своих семьях разделились. С одной стороны, оно *«несправедливо, поскольку жена работает 24 часа в сутки, а он – какое-то время»* (домохозяйка, 22 года). С другой, справедливо, так как *«человек, пришедший с работы, хочет, чтобы ему элементарно подали на стол. И я не считаю это барством и для себя каким-то унижением то, что я это подам»* (домохозяйка, 35 лет).

Финансовая зависимость не ведет автоматически к подчинению женщины, но является той «бомбой замедленного действия», которая срабатывает в случае необходимости «поставить женщину на место». Если в семейных отношениях появляется брешь, у мужа всегда есть ресурс влияния на жену. У нее же таких ресурсов часто не оказывается, поэтому ей приходится уговаривать, апеллировать к порядочности мужа, призывать на помощь посторонних, в итоге, как призналась одна респондентка, *«я же у него и прошу прощения, если он не прав, потому что он знает: мне нужны деньги на хозяйство, на детей; на этой неделе платить репетитору...»* (домохозяйка, 32 года).

Как видно, там, где домашний труд женщины уважается, где он действительно элемент разделения труда по взаимной договоренности, а не бесплатное обслуживание имеющего власть мужчины – там нет места нарушению прав женщины, которая не имеет собственных финансовых ресурсов.

Собственные ресурсы женщины. Благополучие женщины измеряется материальными и нематериальными факторами. К первым относятся собственные доходы женщин; ее доля в доходах семьи; наличие у нее свободного времени. К неденежным факторам благополучия относятся здоровье, семейные и дружеские связи, особенности характера [10: 79]. Социально-экономическая зависимость неразрывно связана с недостатком или отсутствием ресурсов, которые зависимая сторона не может получить из альтернативного источника.

Имеющиеся у женщины ресурсы определяют сферу ее доминирования. В семьях, где высоко ценится компетентность в ведении домашнего хозяйства, управлении домашним бюджетом, экономически зависимая женщина может стать и главой семьи. Основаниями считать себя главной в семье были также более молодой возраст мужа и его инфантильность в бытовом плане: *«он ребенок, как и дочери, и мама, и кошки, хотя он и единственный кормилец в семье»* (работающая мать, 32 года).

Важным ресурсом, определяющим независимость неработающей женщины, является собственность (*«мы живем в моей квартире»*) либо существенный вклад женщины в ее приобретение (*«без меня муж на эту квартиру бы не заработал»*). А вот отсутствие собственности усугубляет зависимое положение: *«Еще много зависит от того, что тебе дали твои родители. Мне они ничего не дали в том плане, что ни квартиры, ни денег никогда не было. Вы посмотрите, когда женщина может сказать мужчине свою претензию: когда она чем-либо владеет в этой жизни, когда она чувствует за собой тыл. У меня этих тылов нет»* (работающая мать, 38 лет).

Феномен прошлых заслуг женщины работает и в том случае, если она «сделала» мужа, участвуя в его карьере. *«В начале нашей семейной жизни он как-то неуверенно себя чувствовал. Какой-то серенький, забитенький. А после – перестал. На работу устроился. Как-то по моей инициативе. И подлечили, и работу нашли. На ноги благодаря этому встали»* (домохозяйка, 33 года). Жена-домохозяйка, являющаяся «мозговым центром» семьи, счетоводом, менеджером, «диспетчером», также не оказывается в зависимом положении, хотя лавры кормильца семьи целиком отдаются мужу.

Сложнее обстоит дело с ресурсами, необходимыми в реализации во внесемейной сфере. К таковым относятся высшее образование, сертификат о прохождении компьютерных курсов; наличие подруги, которая пишет резюме. Однако всех их можно считать лишь «частично конвертируемыми». 26 из 28 респонденток ответили, что они практически лишены важнейшего российского ресурса – способности налаживать «нужные» связи: *«не могу, мучаюсь, если даже шоколадку надо дать»* (домохозяйка, 28 лет). Более охотно женщины отмечали наличие у себя психологических ресурсов преодоления трудностей. *«Женщины более стойкие, чем мужчины. Слабые-то слабые, но мы больше в жизни переживаем и переносим»* (работающая мать, 38 лет). Однако основания для подобной уверенности в себе женщины находят... вновь в сфере частной жизни. Как наиболее значительные свои достижения они отмечали то, что им *«хватило смелости разойтись с мужем, не считаясь с мнением окружающих»*, *«ухитрилась выйти замуж, имея двоих детей»*. Ограниченность ресурсов сферой семейных отношений не позволяет женщине преодолеть зависимое состояние. В интервью четко прослеживался процесс создания женщинами препятствий к достижению значимых целей: *«Я не могу, если мне скажут: Вы нам не нужны, у нас нет мест, я этого не переживу. Вот если бы по знакомству, кто бы замолвил слово...»* (работающая мать, 32 года).

Последствия зависимости. Как мы отмечали ранее, отношения неэквивалентного обмена – это отношения неравенства, власти одной стороны и подчинения другой. Так, Р. Листер

выделяет три аспекта финансовой зависимости женщины от мужчины: 1) недостаток контроля (по данным ее исследований, материальное положение женщин после развода становилось хуже, однако их социальное самочувствие оказывалось более благоприятным, так как они контролировали семейные ресурсы); 2) недостаток прав; 3) ощущение необходимости отчитываться за трату денег (для женщин без заработка характерно чувство вины, когда они тратят деньги на себя) [15: 451]. *«Я, например, не считаю возможным на себя тратить, поскольку я не получаю денег. Меня раздражает то, что он может на себя много потратить, а я не могу себе этого позволить»* (домохозяйка, 22 года).

Крайней степенью выражения мужской власти над женщиной является насилие. Некоторые исследователи рассматривают семью как основанную на силе «систему власти», в которой авторитет мужчины держится на его экономических ресурсах и положении в обществе. Хотя случаи физического насилия над собой женщины отмечали в интервью крайне редко, насилие психологическое – достаточно распространенный феномен. Проявления власти над женщиной принимают формы семейных скандалов, требований отчета в потраченных деньгах, противодействия мужа карьерному росту жены, произвольного урезания сумм, выделяемых женщине. *«Он считает, что я должна заслужить те деньги, которые он мне дает»* (домохозяйка, 26 лет).

Более «мягкое» проявление неравенства женщины в семье – распределение домашних обязанностей, которое часто не устраивает женщин, но которое они не могут (не решаются) изменить в свою пользу. В феминистской традиции рассматривается следующая причинно-следственная связь: поскольку женщина меньше зарабатывает, ей достается меньшая доля семейных доходов, которая не компенсируется большим объемом свободного времени. Раз женщина не может сама себя прокормить, мужчина эксплуатирует ее. «Оценивая преимущества семьи, где мужчина занят «добыванием» денег, а жена – домохозяйка, женщины чаще всего подчеркивали выгоды подобного распределения ролей для семьи в целом или отдельных ее членов, но не для самих женщин» [20]. Подобный вывод можно сделать и в результате анализа наших интервью.

Статус «растратчицы» заработанных мужем денег. Здесь мы вновь сталкиваемся с противопоставлением частной и публичной сфер жизнедеятельности. Если муж занят добыванием ресурсов, то женщина может лишь более или менее рационально *израсходовать* их, но не *приумножить*. На недоуменный вопрос, зачем ездить на другой конец города на самый дешевый рынок, домохозяйка ответила: *«Но ведь мое время нисколько не стоит»*. Нередко наблюдался феномен перенесения на женщину «вины» за высокие цены на рынках: недовольство мужей крупными расходами жен, подозрения, что последние укрывают часть денег. *«Он говорит: ты сидишь дома, не можешь найти работу. А я работаю-работаю, тебе не хватает этих денег»* (домохозяйка, 31 год). Справедливости ради отметим, что претензии высказывались и женами в адрес мужей, которые не могут достаточно заработать. Неинформированность супругов о проблемах добывания средств к жизни, с одной стороны, и стоимости этой жизни, с другой – причина взаимного недовольства и семейных конфликтов.

Сужение возможностей контроля. Ситуация с женским контролем над семейными ресурсами значительно дифференцирована в семьях разного достатка. Предположение о семье как некоем целом, выполняющем единую функцию полезности, наглядно иллюстрируют малообеспеченные семьи, главная цель которых – физическое и социальное выживание. В этом случае редко возникают вопросы о правах и обязанностях супругов, однако бремя управления недостаточным доходом ложится, как правило, на женщину. *«Купили мы эту несчастную куртку, теперь у нас денег нет. Я говорю: Леш, как мы будем дальше жить? Это, – говорит, – твои проблемы. Я получил зарплату, я ее тебе отдал»* (домохозяйка, 22 года).

С появлением семейных «излишков» появляются и конфликты по поводу их распределения. Анализ данных интервью свидетельствовал, что в бедных семьях доходы мужей целиком шли в семейный бюджет и *отдавались* женам; в среднеобеспеченных супруги имели примерно равный доступ к деньгам; в высокодоходных же семьях мужа по своему усмотрению *выдавали* женам деньги на ведение хозяйства и личные расходы. «Муж располагает очень большой суммой на карманные расходы, но это все мимо меня. Я могу что-то для себя попросить, и, если у него будет хорошее настроение – даст. Часто возникает вопрос: а зачем тебе это? Если речь заходит о каком-то платье для меня на выход – вопросов не возникает: я – часть его престижа» (домохозяйка, 32 года). Напрашивается вывод, что, чем больше разрыв в доходах мужчины и женщины, тем меньше последние контролируют семейный бюджет. Конечно, этот вывод требует проверки на большом массиве данных.

Ограничение личной свободы женщины. Отношения неэквивалентного обмена предполагают право опекуна контролировать поведение опекаемого, навязывая определенный образ жизни и круг общения. При том, что время домохозяйки или сидящей в декретном отпуске мамы, как выразилась одна респондентка, «нисколько не стоит», экономически зависимая женщина не всегда может распорядиться им по своему усмотрению. «Обязанность угождать мужчине, однообразие жизни, конечно, убивают. А уходить мне куда-то нельзя. Ему не нравится, что у меня могут быть свои друзья. Я к его приходу должна быть в форме, все должно быть сготовлено и сервировано. Я могу уйти куда-то, но это будет скандал» (спонсируемая, 35 лет).

Мужской контроль проявлялся и в низведении женщины до статуса домработницы при возможности нанять прислугу. «А зачем он кого-то будет нанимать, когда я все сделаю бесплатно?» (домохозяйка, 32 года). «Синдром домохозяйки» выражается в сужении круга общения и интересов, монотонности жизни, низкой ценности труда женщины в глазах окружающих. «В течение дня общаюсь только с телевизором. Я сейчас замкнута в пространстве своих четырех комнат» (домохозяйка, 26 лет). «Я оступела: ведь если полный холодильник – это еще не все в жизни. Как можно обрадоваться куску мяса? Он перестал видеть во мне женщину. Но я же не просто приставка к этой квартире» (спонсируемая, 35 лет).

Все это хорошо известные и неоднократно описанные в литературе издержки домашней работы. Важно в данном случае то, почему женщина не может или не хочет изменить эту неблагоприятную для нее ситуацию. Справедливости ради отметим, что иногда эти жалобы были чем-то вроде симуляции женщин, живущих в комфорте и желающих показать, что «им тоже тяжело». В других случаях попытки изменить распределение домашних обязанностей в свою пользу и выйти из зависимого состояния наталкивались на... напоминания о зависимости. «Самая избитая фраза: иди, зарабатывай деньги, тогда посмотрим, кто что в этой жизни может» (домохозяйка, 26 лет).

Дискомфорт от зависимого статуса. Наше общество андроцентрично, и ценности, связанные с мужским стандартом поведения (такие, как ценность финансовой независимости), воспринимаются как общечеловеческие. Даже женщины, удовлетворенные своей семейной жизнью, говорили о том, что они все-таки ощущают себя на ступеньку ниже своих мужей, *потому что не зарабатывают*. «Я могу потратить на себя большую сумму, и муж не будет против, но внутри я постоянно чувствую, что сама я на это не заработала бы» (домохозяйка, 26 лет). Сама необходимость *просить* деньги символизирует статусное неравенство: «Мне кажется, он почувствует тогда, что я полностью от него завишу, что без него не смогу и шага сделать. Он так рассуждает: куда она денется, она от меня зависит, а я свободный» (спонсируемая, 29 лет). Экономически зависимая женщина встает в тупик при определении своего социального статуса. Показательно, что домохозяйка, уверенно отнесшая свою семью к «среднему классу», не смогла сделать того же в отношении себя самой: «У меня вообще нет никакого статуса. Может быть, я бомж, нищая? Но

поскольку у меня есть крыша над головой, я, в общем-то, не бомж. Но к иерархии какой-то я тоже себя относить не могу, поскольку там не вращаюсь. Поэтому у меня вообще статуса нет».

Уязвленная гордость, желание «почувствовать себя человеком» – сильные мотивирующие факторы женской занятости. *«Вообще-то я поняла, что мужчины не любят, когда полностью сидишь на их иждивении. Я заметила, что, когда в киоске подрабатывала, у меня возникало чувство самоудовлетворения, что я прихожу, как нормальный человек домой. И они ценить больше женщину начинают, поскольку мы уже независимые от них, и они начинают думать: что они говорят, как себя ведут»* (работающая мать, 37 лет).

* * *

Социально-экономическая зависимость женщин многофакторна. Зависимость в семье обусловлена, помимо экономического, такими факторами, как неэкономические ресурсы, конвенциональные отношения супругов в семье, эмоциональная привязанность. И все же четко прослеживается взаимосвязь, что рождение ребенка – главная причина женской зависимости – экономической, бытовой, психологической. В рамках существующей культуры женщина, имеющая детей, может *менять сферы* своей зависимости. Однако гораздо более сложно *выйти* из зависимого состояния.

Финансовая зависимость женщины оборачивается зависимостью социальной, прежде всего, в процессе ее взаимоотношений с мужчиной. Экономическая зависимость от родителей и государства меньше ограничивает свободу женщины, поскольку в первом случае определяющую роль играют отношения семейной солидарности, во втором – обезличенность субъекта поддержки. Это обуславливает для акторов социальной политики трудность принятия решений: многие экономически несамостоятельные женщины предпочитают зависеть от государства, но, как известно, это провоцирует разрушение семей (во всяком случае, создает материальные условия для этого). С другой стороны, семья, основанная на деспотизме мужчины и бесправии зависимой женщины, постоянно является мишенью феминистской критики.

Предпочтение частной либо публичной сфер самореализации и артикулированные потребности оказывают непосредственное влияние на адаптированность женщины к состоянию зависимости, на удовлетворенность либо дискомфорт от пребывания под чьей-либо опекой. В случае безусловного преобладания ценности материальной обеспеченности и самореализации в частной сфере зависимость – наиболее желательное для женщины состояние.

При том, что экономическая зависимость от мужа не влечет за собой априорно социальной зависимости, финансовая несамостоятельность остается наиболее уязвимой чертой женщины, по которой «бьют» в случае возникновения семейных конфликтов. К основным последствиям зависимого состояния относятся ущемление прав женщины в распоряжении семейными ресурсами, контроль за ее поведением и снижение самоуважения. Экономическая зависимость оказывается ключевым звеном цепочки, воспроизводящей гендерное неравенство: домашние обязанности женщины ограничивают ее возможности на рынке труда и обуславливают более низкую заработную плату, что... закрепляет сложившееся разделение труда внутри семьи.

Открытым остается вопрос о возможностях преодоления женской зависимости. Иногда звучат предложения признать экономический характер работы женщины в семье путем введения «платы за материнство». В западной литературе фигурирует образ Матери, которая предстает перед мужчинами, занимающимися дележом национального дохода, и заявляет: «Я – Мать, будущие граждане и работники зависят от меня, где моя доля?» [15: 461]. Однако «материнские выплаты» могут финансироваться только за счет все тех же

налогоплательщиков. Поэтому в обществе «выплаты матерям» будут всегда носить «благотворительный» характер. Материнство может стать «работой» в экономическом смысле только в культуре с крайне низкой ценностью детей, отрицающей социальные и эмоциональные «вознаграждения» за материнство, в обществе, вплотную столкнувшемся с угрозой депопуляции.

Более обоснованными представляются аргументы, доказывающие, что только изменения в культуре, сознании, менталитете смогут разрешить данную ситуацию. Только в обществе, основанном на ненасилии, материнский труд может быть признан равноценным мужской оплачиваемой занятости, и, таким образом, может быть восстановлена эквивалентность обмена деятельностью. Только в обществе, уважающем права каждого гражданина, от женщины не будут требовать, что она *обязана быть только матерью*, и будут устранены барьеры женской оплачиваемой занятости. Только при разрушении дихотомии публичного и частного, ныне маскирующей и легитимирующей экономическую зависимость женщины, будет снято само противопоставление домашней и оплачиваемой работы. Феномен «нового отцовства», достижения скандинавских стран в области семейной политики позволяют утверждать, что это вполне реальные вещи.

Литература

1. Fraser, N., and L. Gordon. A Genealogy of 'Dependency': Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State, in: Fraser, N. (ed.) *Justice Interrupts: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition*. N.Y., L.: Routledge, 1997.
2. Pateman C. *The Disorder of Women*. Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 123.
3. Подробнее см. об этом: Балабанова Е.С. Андекласс: понятие и место в обществе // Социологические исследования. 1999. № 12.
4. Блау, Р. *Exchange and Power in Social Life*. N.Y.: Wiley, 1964.
5. Култыгин В.П. Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 96–97.
6. Vogler, C. *Labor Market Change and Patterns of Financial Allocations within Households*. ESRC, Swindon, 1989. P. 20, 26.
7. О проблемах экономического анализа домашнего хозяйства см.: Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций. М.: Аспект-пресс, 1997. С. 209–222.
8. Тартаковская И.М. Социология пола и семьи. Самара, 1997. С. 92–104.
9. Maltby T. *Women and Pensions in Britain and Hungary: A cross-national and comparative case study of social dependency*. Brookfield: Avebury, 1994.
10. Вулли Ф. Феминистский вызов неоклассической экономической теории // THESIS. 1994. № 6.
11. См.: Катаева С.В. Положение женщин в стратификационной структуре современного российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Самара, 1999. С. 41–42.
12. Siim B. Towards a Feminist Rethinking of the Welfare State, in: Jones, K.B., and A.G. Jonasdottir (eds.) *The Political Interests of Gender: Developing Theory and Research with a Feminist Face*. L.: Sage, 1995. P. 160.
13. Rose H. Social Welfare Policy, in: Kuper, A., and J. Kuper (eds). *The Social Science Encyclopedia*. L., N.Y.: Routledge, 1989. P. 792.

14. Степанова Н.М. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4.
15. Lister R. Women, Economic Dependency and Citizenship, *Journal of Social Policy*. Vol. 19. Part 4. October 1990.
16. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» // *Социологические исследования*. 1999. № 4. С. 48–50.
17. Temkina, A., and A. Rotkirch. Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia, *Idantutkimus* (1997). No. 4.
18. Firestone, S. *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*. L.: The Women's Press, 1979.
19. Rose H. Rereading Titmuss : The Sexual Division of Welfare, *Journal of Social Policy* (October 1981). Vol. 10. Part 4. P. 497.
20. Беляева Ю.В., Тукумцев Б.Г. Социальное самочувствие женщин, занятых преимущественно домашним хозяйством: попытка социологического анализа // *Женщина в российском обществе*. 1997. № 4. С. 4.